

Бережно храню номер газеты «Пионерская правда» за 1960 год. Удивительно, но на каждой странице — много хороших слов о морали, нравственности, совести. Почти в каждой статье или краткой заметке детям объясняют, что такое хорошо и что такое плохо. А нынче? Редкий кроха подойдёт с подобным вопросом к папе или маме. Ему некогда: он играет в компьютерные игры.

Задумаемся, часто ли мы слышим слово «совесть»? Да, пожалуй, нигде, кроме как в редких художественных фильмах, которые являются художественным вымыслом и, как правило, далеки от реальности. Например, недавно в очередном телесериале можно было слышать такое: «Совесть — штука неоперабельная». Герою, по замыслу сценариста и режиссёра, видимо, положительно, важно было не столько упомянуть о совести, сколько показать своё остроумие и уровень интеллекта. А ведь совесть — искра Божья, малая толика в душе человека. Мы забыли, не помним. А если и помним, то вспоминаем редко, от случая к случаю, и то по отношению к другим людям: «Бессовестный какой!», «Совести на вас нет», «Ни стыда у него, ни совести» и так далее и тому подобное.

Владимир Даль определяет совесть как тайник души, в котором отзывается одобрение и осуждение каждого поступка, нравственное сознание, нравственное чутьё в человеке, внутреннее сознание добра и зла. Сегодня, к большому сожалению, у многих людей разум присутствует чаще всего для того, чтобы заглушать совесть.

Почему так происходит? Обратимся к недавно ушедшему XX веку. Что же видели наши деды и прадеды? Жестокие времена первых десятилетий, когда брат убивал брата за идею или потому, что так сложились обстоятельства. Кровавые разборки периода раскулачивания, наглядно показавшие, как личное имущество, добро, богатство, «нажитое потом», становится дороже общечеловеческих ценностей. И одновременно с этим — великие стройки, энтузиазм молодых. Видели эпоху культа личности, когда брат уже не убивал брата, а «стучал» на него в соответствующие органы, а те уже совершали аресты, расстрелы и отправляли в лагерь. Войну с фашистской Германией, уничтожившую самых лучших и не самых равнодушных. Голод и разруху. Восстановление народного хозяйства. Потом были хрущёвская оттепель, полёт Гагарина в космос, спокойные брежневские времена. Перестройка, когда сносное и терпимое заменили на худшее. Но так и осталось непонятным: а что перестраивали-то? Не столь далёкие лихие 90-е. И опять кое-кто у нас порой не захотел жить честно и пошёл убивать себе подобных, щеголяющих в малиновых пиджаках, а заодно и попавших под руку законопослушных граждан. Беспризорников, так и не дождавшихся своего Дзержинского.

Словом, пережили и всеобщую электрификацию, и коллективизацию. Мобилизацию заменила всеобщая компьютеризация и растущее не по дням, а по часам налоговое бремя. Богатые уже не плачут, а чиновники боятся потерять свои нагретые места. Где уж тут думать о собственной душе! Выжить бы, не потеряться и найти силы тянуть свою бурлацкую бечеву. Прилепиться к чему-то более достойному, чем реальность. Находим утешение в религии, разделяя жизнь на бытовую и воцерковленную. Зачастую эти половинки не соприкасаются. Ну кто, скажите,

соблюдает все десять заповедей? Как судили других, так и продолжаем осуждать. Как желали того, что есть у соседа, так по-прежнему изнываем от неуёмного желания иметь намного больше и качественнее, чем есть у кого-то. Мы-то лучше. Почему не нам, а кому-то? Вот и плодится на земле зло, при этом смело бахвалится численным превосходством. А душа то — живая. Нет-нет, да и тянется к высокому и светлому.

Где же найти близкое к собственной душе? К чему прилепиться? Вера в Бога хороша уже тем, что отрывает от повседневных забот и приподнимает над обыденностью. Сегодня, когда всё вокруг пропитано властью денег, кажется, одна только церковь говорит о духовности, о вечной душе и морали. Получается, если исповедуем русскую православную веру, значит, мы — духовные и высоконравственные люди. Если же с гордостью заявляем, что в Бога не верим, то нам тут же объяснят: «Всё равно к вере придёте! Надо же найти смысл нынешней бестолковой, бездумной жизни». Вот и получается, что духовность принято считать чем-то, относящимся только к православию.

А как же быть с двумя вышеупомянутыми половинками? Однажды довелось видеть на автобусной остановке, как после службы в церкви старушки и женщины разного возраста с просветлёнными лицами кинулись к подошедшему автобусу. Расталкивая друг друга локтями и возмущаясь, они полезли в салон, чтобы занять сидячие места. Ехать-то, действительно, было не близко. И куда делась их просветлённость? Так, получили сеанс психотерапии, скинули груз забот ненадолго и продолжают идти по обочине истинной веры. Невольно закралась мысль: неужели и впрямь некоторые люди придумали Бога, чтобы увернуться от обязанностей к человеку?

В своё время очень уважаемый нами Михаил Пришвин заметил, что надо бы «людям пути отрезать от неба, чтобы они были на земле и знали одно: Бог на земле». И кто его знает, может, тогда и сострадания, и желания помочь ближнему станет больше? А пока получается с точностью до наоборот. Замученные условиями жизни, обозлённые и задёранные, мы продолжаем борьбу не за светлое будущее — за собственное существование и более тёплое место под солнцем, достигнуть которого хотелось бы с наименьшими потерями. Самоутверждаемся.

В каждом человеке есть зачатки способностей. Если покопаться, всё равно что-нибудь да найдётся. Только как эти способности обнаружить и развить? Тоже вопрос. Иная безголосая певичка, как бы ни старалась, как бы ни кривлялась, вызывает, в лучшем случае, жалость. А может, она умеет красиво вышивать крестиком? Может, это её призвание, только она не знает об этом? А если знает, всё равно хочется реализовать себя на эстраде? Что же, красиво жить не запретишь. Хочется да колется. Вот и наличествует желание самоутвердиться, когда наша бесценная и взлелеянная честь становится дороже, чем совесть? У нас, нет, не русских, а русскоязычных, имеется огромный пласт культуры и от этого — понимание собственной исключительности. Что, в общем-то, справедливо. Но сколько же нереализованных возможностей! Сколько же могли бы, но не смогли, не сделали, не выразили, не проявили себя! По ряду самых разных причин. Не сумели, не захотели из-за ложной системы ценностей, слишком уж кривобокой.

Не потому ли способность понять и простить у большинства народонаселения нашей страны отсутствует? Проходим мимо друг друга, равнодушные, не имеющие ни малейшего интереса к чужой судьбе. И даже помыслить не можем, что встреченные нами на жизненном пути — тоже люди, нам подобные. Хотя не за-

бываем при всём при этом мерить их своей меркой и судить по себе. Не отсюда ли все попытки сберечь остатки имеющейся чести и унижить ближнего, начиная с семейных склок по поводу невымытой тарелки и заканчивая незаметным убийством чувства личной ответственности за всё происходящее вокруг. А может, этого чувства и не было в том или ином человеке изначально? Как-то не верится. Воспитание, особенно семейное, не сбросишь со счетов. «Каковы ветки — таковы и детки». Духовность прививается, прежде всего, в семье.

Конечно, у каждого появившегося на свет младенца — своя, отличная от всех прочих, особенная душа или, как сейчас говорят, свой стартовый капитал. Но лишь от семьи зависит, захиреет ли этот капитал, обесценится ли или будет прирастать русской культурой. Не суммой полученных знаний, а именно культурой, то есть правильной иерархией ценностей, полученным умением мыслить и чувствовать. Но так ли всё ладно в первичной ячейке общества? Родители, а часто один родитель, работают, зарабатывают деньги, чтобы накормить и достойно одеть собственных чад. Когда уж тут формировать из них достойных членов не совсем достойного общества?

Ещё Иван Бунин в «Окаянных днях» отметил, что народ сам сказал про себя так: «Из нас, как из древа — и дубина, и икона». В зависимости от того, кто это древо обрабатывает: Сергей Радонежский или Емельян Пугачёв. Ну и что, что жизнь такая и чаще всего не устраивает? А сами-то на что? Неужели не желаем своим детям добра, счастья и долгих лет жизни? Любим же их безмерно, а сил на самое главное не хватает. И начинаем думать: «Да так ли это важно?» Если что случится — виноваты все, кроме нас. Детский сад плохо следит за здоровьем детей, школа их плохо учит, медицина плохо лечит. А когда посмотримся в зеркало, то давай на него пенять. Народную мудрость забыли: мол, «неча», пенять-то как раз и не следует. И загоняем проблему внутрь, откладываем в долгий ящик, оставляем на потом.

Обратимся к прошлым временам. Как же раньше обстояло дело с вопросами воспитания? В патриархальной России родители обычно тоже, как и сейчас, работали, а воспитанием детей занимались дедушки и бабушки. В высших слоях общества в дворянских семьях первыми наставниками были няньки и дядьки, опять же люди старшего поколения. Конечно, не у каждого дворянского отпрыска была своя Арина Родионовна. Но ведь и Пушкин у нас один. В русской, да и мировой, литературе довольно часто освещалась проблема отцов и детей, а вот о проблемах внуков и бабушек с дедушками нам почитать не удалось. Хотя, может, и есть такие книги. Не попадались. Зато много страниц детских воспоминаний классиков и современников написаны с большой теплотой, от сердца, и посвящены именно им. Именно люди старшего поколения могут понять детскую душу, направить её в нужную для благополучного существования сторону. Считалось же, что старшее поколение, накопившее огромный жизненный опыт с природой и людьми, научившееся за долгие годы преодолевать трудности, должно это опыт передавать младшим через сказки, былины, песни, пересказы и просто неторопливые беседы. Так собственно и происходило. В первой трети XX века старый уклад жизни оказался разрушен, семейные связи рвались, и продолжают рваться до сих пор. При царском режиме к пожилым людям относились с должным уважением, и позднее, при советской власти, был «старикам везде у нас почёт». А сейчас, в эпоху всеобщей компьютеризации, пенсионеры, и так не жалюемые государством, стали «лохами» (в лучшем случае — мамонтами). А какими им ещё быть, если до сих

пор живут по понятию «человек человеку — друг, товарищ и брат»? Время нынче другое, иные лозунги в моде — «Человек человеку — волк». Чему же старики могут научить своих внуков? Глупостям всяким, вроде честности и порядочности. Не актуально как-то.

Сейчас внуки, если приходят к старикам в гости, общаться не хотят. Дежурные вопросы — дежурные ответы. А всеми помыслами — там, в СЕТИ. Из рук смартфоны и гаджеты разные не выпускают, и мозги у них становятся деревянными. В сказке-то, как мы помним, Буратино от глупости спасла осуществлённая мечта — кукольный театр. А о чём мечтают современные внуки, не знаем. Они с нами не делятся.

И как тут не вспомнить семейное предание, которое передавалось из уст в уста несколькими поколениями наших предков. Произошло это в середине XIX века в одном из казацких сёл на берегу реки Медведицы. В ту пору казакам досаждали набеги калмыцких кочевников, прозванных за невообразимое по своей жестокости насилие над мирными жителями башибузуками. Кочевники не только грабили, но и убивали. Просто так, ради удовольствия.

Видимо, набегов не было несколько лет, и казаки утратили бдительность. Всё взрослое население с утра отправилось на сенокос. Дома остались старики да малые дети. И тут налетели на конях башибузуки. Под их воинственные крики, несущиеся издалека, старики успели на окраине села спрятать детей в большой яме, вырытой специально для подобных случаев, закидали ветками, строго-настрого приказав сидеть тихо. А сами кинулись на башибузуков, кто с вилами, кто с колыями. Надо было протянуть время, пока не подоспеет помощь. Полегли все — старики и старухи. Были зарублены и скинуты в ту же яму на ветки. Позже, когда подоспевшие взрослые стали поднимать оттуда испуганных детей, увидели, что те буквально залиты кровью.

Через несколько лет дети выросли. Но как сильно они отличались от своих сверстников из соседних сёл! Незрелостью, малой эмоциональностью, отсутствием доброты. И прозвали их — дети-на-крови.

Вот и думайте сами. Все мы — в большей или меньшей степени — дети на крови.